

К Р О К О Д И Л

— Папа сказал, что мы его сразу увидим: он будет нести плакат о выполнении плана. А вот попробуй, найди!

Рис. В. ГОРЯЕВА

ОГНИ

И ТЕНИ

НЕЗАДОЛГО до нашего великого Октябрьского праздника Черчилль пролаял очередную антисоветскую человекоубийственную речь.

Он это сделал впервые в 1919 году, ко второй годовщине Октябрьской революции.

Он это делает сейчас, к тридцать первой годовщине Октябрьской революции.

Уже никто не прислушивается к воющим звукам этой заигранной пластинки, за исключением самых оголтелых реакционеров. Государственный министр Макнейль — один из самых прилежнейших учеников в черчиллевской школе злословия.

Когда Макнейлю как-то заметили: «Вы врётё», — он обиделся.

— Ну хорошо, — сказал собеседник, — я выражусь иначе: вы не даёте себе труда говорить правду.

— Это — другое дело, — смягчился государственный министр.

Недавно он выразился в том смысле, что Британское содружество наций представляет собою совершенный тип государства, материализованный рай на земле.

Некоторое время назад в тумане лондонских улиц заперели экзотические фигуры: оливковые лица, цветистые одежды, незнакомая гортанная речь.

Обтерпевшийся лондонский обыватель спервоначалу подумал, что это американский джаз-оркестр, импортируемый из США по «плану Маршалла» вместе с тухлым бисквитом, нейлоновыми чулками и прочим ширпотребом, насущно необходимым для голодающей Европы.

Но оказалось, что живописные люди эти — самые прозаические ходоки из британских владений Западной Африки. Они пересекли океан, чтобы удостоиться приёма у министра по делам колоний господина Артура Крич-Джонса. Цель их приезда — переговоры о предоставлении давно обещанного самоуправления тридцатимиллионному народу Нигерии и Камеруна.

«Социалистический» министр принял их пышно. Банкет следовал за банкетом. Вино лилось, как вода. Речи тоже лились, как вода. До делового разговора африканские делегаты никак не могли дорваться.

Чуть они заикались на тему о своих политических требованиях, как жизнерадостный министр перебивал их:

— А вот, не угодно ли, ещё бутылочка Кордон-Руж 1899 года? Такая забористая штучка, доложу вам!

Всё же делегатам удалось как-то припереть гостеприимного Крич-Джонса к стене и вырвать у него ответ. Ответ этот живо напоминает бессмертную реплику Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы», обращённую к женихам:

«Пошли вон, дураки!»

Вождь одного из племён Нигерии, Нионг Сосиен, поделился с журналистами своими впечатлениями о лондонской поездке:

«Министр колоний устроил нам пышный приём. Но этим всё и кончилось. На наши просьбы мы получили ответ: «Отправляйтесь домой и работайте дружно».

Британское «содружество наций» — это содружество всадника и лошади. В последнее время всадник всё чаще вылетает из седла. Шпоры его притупились. Поводья и хлыст плохо держатся в склеротических руках. Отчаявшиеся народы Малайи и Вест-Индии поняли, что независимость не дают. Её берут.

Открыто фашизм не значит в официальном списке сердечных привязанностей руководителей англо-американской политики. Этот список недавно огласил британский премьер Эттли на банкете в честь итальянского министра иностранных дел графа Сфорца, определившегося на старости лет в ученики Черчилля по агрессии.

«У меня было в моей жизни три больших любви, — сказала господин Эттли с неожиданной для этого джентльмена игривостью: — Италия эпохи раннего Ренессанса, Италия эпохи позднего Ренессанса и моя жена».

Однако этот донжуанский список «социалистического» премьера можно значительно расширить. Сюда должен войти Малайский архипелаг, население которого привязчивый Эттли никак не может разлучить с английскими войсками. Сюда должен войти африканский Золотой Берег, который никак не может вырваться из страстных объятий влюбчивого Эттли. Сюда должны войти нефть и каучук, занимающие в широком эттинском сердце почётное место, примерно между Италией позднего Ренессанса и мистрисс Эттли, и т. д. и т. д.

Цепляясь слабеющими пальцами за свои ускользающие колонии, отставная «владычица морей» сама всё больше и больше становится «малайским архипелагом» Соединённых Штатов.

«План Маршалла», который американские торгаши именуют «планом экономического восстановления Европы», на деле является планом систематического ограбления Европы.

Француженка Мадлена Белле пишет в своём письме Антифашистскому комитету советских женщин:

«...Хлеб мы получаем из американской муки, которая состоит из сои и кукурузы, хлеб испорченный и затхлый, совершенно несъедобный. От хлеба у моей младшей дочери заболела печень, а у моих сыновей были сильные боли желудка. Я имела неосторожность остатками хлеба накормить моих двух уток — и они издохли...».

«План Маршалла» — новый псевдоним американского империализма. В самих Соединённых Штатах голодают миллионы людей в то время, как газета «Нью-Йорк таймс» рисует сладенькие акварельные картинки американского «процветания».

Старый рабочий Норманн Э. (фамилию его приходится скрывать, дабы не привлечь к нему зубодробительного внимания со стороны комиссии по расследованию антиамериканской деятельности) пишет из США:

«...Головокружительная инфляция, инспирированная Уолл-стритом, банковской и милитаристической кликой, до такой степени снизила жизненный уровень, что престарелым рабочим нехватает их ежемесячного пособия, чтобы подписаться на «Нью-Йорк таймс», где они могли бы прочесть о блаженной жизни в капиталистическом раю...»

Поджигатели войны не могут обмануть народы.

В ответ на преступные призывы Черчилля к атомной войне Э. Дж. Хилл, секретарь британского профсоюза судостроителей, пишет, окатывая холодным ушатом воды горячие мечты старого агрессора о возрождении мирового могущества английского империализма:

«...Если политические деятели хотят войны, пусть они придут на верфи. Ведь им надо поучиться искусству строить корабли, потому что им не удастся заставить судостроительных рабочих принять участие в новой кровавой бойне...»

Всеобщим одобрением встретили народы мира слова товарища И. В. Сталина, сказанные в эти дни:

«Слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны».

Мрачно стелются скорбные тени в долинах хаоса и нищеты капиталистического мира.

На весь мир сияют праздничные огни Октябрьской годовщины, великий факел свободы, счастья и мира между народами.

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ НА УРОКЕ У ЧЕРЧИЛЛЯ

Рис. КУКРЫНИКСЫ

КУКРЫНИКСЫ-48

— Господин учитель, вы получили от русских не один урок!
Поделитесь своим опытом.

п е р е ц ь

(УКРАИНА)

Дипломат

Степан ОЛЕЙНИК

Лишь собрался поужинать Гнат,
Тут записку приносят до хаты:
Едет в гости, мол, к вам дипломат,
Приготовьтесь встречать дипломата!

Дипломат? Из каких же сторон
Он к советскому прибыл кордону?
Говорится в записке, что он
Из Америки, из Вашингтона.

— Слышишь, жинка? Вот диво стряслось!
Сообщают в записке, гляди ты,—
Едет к нам из Америки гость,
Вроде как бы наносит визиты!..

У хозяйки обычай такой:
Гость приедет — попросит до хаты.
Но такого встречать ей впервой,
Да к тому же ещё дипломата.

Приделась в обнову она,
В новый фартук, подвязанный туго.
Золотую Звезду, ордена
На пиджак прикрепила супругу.

— И с чего б это к нам — дипломат?
Я никак разгадать не сумею...
— Знать, откроем,— ответил ей Гнат,—
С ним какую-нибудь «ассамблею»!

— Ассамблею открыть? Вот те на!
Так чего ж ты (взмахнула руками)...
Нужно срочно колоть кабана,
Нужно бочку открыть с огурцами!

Только сбегай к соседке сперва,
Пусть идёт на подмогу скорее.
Сам же знаешь, что месяца два
Дипломаты сидят в ассамблеях.

— Погоди, не спеши наперёд,
Мы ещё приготовиться сможем:
Может, мы «ассамблею» на год,
А не то на четыре отложим.

Это дело у них, как закон! —
Гнат шутил...
А потом на верёвку
Кобеля взял дворового он
И закончил на том «подготовку».

...Наконец прикатил дипломат.
Длинный, точно лозовая ветка.
— Вы,— спросил он,— Дибровенко Гнат...
Бригадир... Из артель... «Пятилетка»?

— Я,— ответил хозяин кивком.—
Господин дипломат?... Заходите!
Что приму не за «круглым столом»,
Уж за это меня извините...

(Был, как видите, Гнат из таких,
Что в карман не полезет за словом.)
Началась «ассамблея» у них
За квадратным столом, за дубовым.

Дипломат для почина сказал,
Что находится в нашей столице,
Что про Гната, конечно, читал,
Знает, сколько собрал он пшеницы,

Что богата земля в СССР
И что Гнат потрудился похвально.
— Я хочу познакомиться, сэр,
С вашим опытом очень детально!

Соблюдая положенный такт,
Гнат сказал: — Очень рад убедиться
В том, что сэр (знаменательный факт!)
У колхоза непрочь поучиться.

А на просьбу ответу вам так:
Бесплезен наш опыт артельный
Вашим фермам, где каждый батрак —
Раб господский, а сам безземельный!

Дипломат стал от бешенства сер.
Душит сэра старинная злоба:
— Это ведь агитация, сэр!
Я, по-моему, гость хлебороба!

Тут пробил часы на стене.
Бригадир говорит осторожно:
— Может быть, вы позволите мне
Поразвлечь вас слегка, если можно?

Вот вы в хате моей, но душа
Там, в Америке, скажем-ка честно.
И послушать теперь «Голос США»
Будет очень для вас интересно!

Зашипел репродуктор змей...
Просит ужинать Гнат дипломата.
Начался тут невиданный «бой»
Меж Нью-Йорком и хатой Гната.

Диктор: «Град и налёт саранчи...
Урожаю советскому гибель...»
А хозяйка несёт калачи!
Дипломат тихо цедит: «Шпасибо!..»

Диктор: «...Там, на Украине всей,
В реках начисто вымерла рыба.
А на стол подают карасей.
Дипломат шепелявит: «Шпасибо».

Диктор: «...Там электричества нет,
Каганцами закопчены хаты...»
Гнат зажжёт электрический свет.
Люстра светит, слепя дипломата.

Диктор: «...Песен теперь не поют
Украинские девушки, хлопцы...»
А из клуба ребята идут.
«Ой ты, хмелю...» — до хаты несётся.

— Ешьте, сэр,— бригадир говорит,—
Вы ж надолго приехали в гости!
Дипломат на приёмник глядит,
То зелёный, то белый от злости.

— Сэр, что с вами такое? — В ответ
Сэр поспешно, не глядя на Гната,
Нарушая со зла этикет,
Шляпу хватъ — и стрелюю из хаты.

И рысцой протрусил дипломат
Прямо-напрямю к автомобилю.
А вослед приговаривал Гнат:
— Вы ещё бы денёк погостили,

Нашу пахоту, наше зерно
Поглядели бы для интересу!..
Хоть на думке у Гната одно:
«Поезжай ты, и ну тебя к бесу!»

Лишь отъехал с тем гостем шофёр,
Так жена бригадиру сказала:
— Двадцать лет прожила с вами, «сэр»,
А что вы дипломат, и не знала!

Перевёл с украинского
Бор. ПАЛИЙЧУК

г. Киев.

МОСКВА

ПРЕДСТАВЬТЕ, что вы транзитный пассажир и находитесь на Курском вокзале Москвы. Окончились «билетные» волнения, и вы с удовольствием вспоминаете, что у вас ниже место.

Вы пообедали, прочитали сегодняшние газеты. Вы пятый раз подходите к книжному киоску. Но, увы, всё те же названия пестрят перед вами: «Организация учёта по графику», «Учёт основных средств промышленных предприятий».

За окнами шумит многомиллионный город. Побродить по Москве одному нехватает решимости. А до отхода поезда ещё несколько часов.

Ваше внимание привлёк зычный голос:

— Экскурсия по Москве! Тема—«Москва—столица СССР». Исключительно интересный маршрут! Осталось только пять мест. Автобус отходит через десять минут...

Вы переглядываетесь с соседом и замечаете его недоверчивый взгляд, который как будто говорит:

— Знаем мы эти экскурсии! На автобусе поедешь, а на поезд опоздаешь...

Вы молча соглашаетесь и делаете вид, что вас больше всего на свете интересует, как завязаны шнурки на ботинках. А рядом слышится:

— Осталось только два места! Автобус уходит через пять минут...

Свершилось. Не обращая внимания на соседа, вы, боясь опоздать, торопливо покупаете зелёный билет и спешите к голубому автобусу.

Шофёр любезно открывает вам дверь...

Мы поехали с очередным рейсом. Пока подошёл экскурсовод, население автобуса успело перезнакомиться.

Самым молодым оказался Владимир Петрович Уткин, из города Красноярска. Владимир Петрович родился в начале прошлого месяца и сейчас вместе с мамой ехал в Харьков. Самым психическим был колхозник Иван Сергеевич Кузнецов из-под Архангельска.

Любоваться Москвой отправились майор Голубев из Вильнюса, работница Короткова из Молотова, шофёр Надя Одинцова из Ташкента, текстильщик Кочергин из Шуи, боцман Вдовин из Владивостока, капитан Андронников с Курильских островов, инженер Новосёлов из Минска и многие другие.

Оказалось, что в автобусе находились русские, грузины, украинец, латыш, татарин, еврей и казах. Кто-то пошутил:

— Передвижная иллюстрация к теме «Дружба народов».

Вот улица Чкалова. Огромный дом на ле-

вой стороне. Экскурсовод объясняет, что в этом доме жил великий лётчик нашего времени. Позади шопот:

— Куда он торопится?..

Это недоволен десятилетний Юра Соколов, едущий с отцом-лётчиком на новое место жительства.

— Самое интересное, а он несётся, как на пожар...

Направо здание Министерства путей сообщения. Экскурсовод вспоминает о протяжённости железных дорог Союза. Тут не выдерживает боцман Вдовин:

— Да, это вам не Дания какая-нибудь и даже не Бенилюкс. На себе испытал. Пока от Владивостока добрался, бороду на полтора вершка отрастил...

Экскурсовод, показывая на строгое серое здание, объясняет:

— А это—Министерство сельского хозяйства СССР. Но мы до него не доедем, а повернём на улицу Кирова.

Внеочередное слово самовольно берёт Иван Сергеевич Кузнецов:

— Как это до нашего министерства не доехать? Самое, можно сказать, главное министерство, а вы от него поворачиваете. Если бы мы по-вашему поступали, неладно бы получалось. А у нас, на что уж холодные места, а мы и то по сто пудов сняли... Вот тебе и поворот!

Вскоре высказался текстильщик Кочергин. Около Министерства текстильной промышленности экскурсовод неосторожно похвалил московскую Трёхгорную мануфактуру, назвав её ткани самыми лучшими.

— Ну, это вы перехватили. Наши ситцы да сатины вашим не уступят. У нас на Объединённой мануфактуре такие расцветки гонят...

Кочергин не договорил. Его перебил сосед, торговый работник из Казани:

— Не знаю, как у вас на Объединённой, а вот с Новой Ивановской фабрики мы такой товарец получили, стыдно покупателям показывать...

Разгоравшуюся производственно-бытовую конференцию потушил экскурсовод:

— Внимание! Площадь Дзержинского. Эти большие деревья только что высажены...

Но ничем не удивить Ивана Сергеевича Кузнецова:

— Теперь это повсюду... Мы на прошлой неделе у себя в колхозе тоже сажали. Но мы больше на фруктовые налегали. Есть такой сорт...

Какой сорт высаживали в родном колхозе, Ивану Сергеевичу договорить не удалось. Автобус катил уже Театральным проездом, и через минуту главной темой беседы стало театральное искусство.

Как только мы поровнялись с Домом Союзов, все в один голос воскликнули:

— Вот и Охотный ряд!

Оказалось, что эту самую короткую московскую улицу все давным-давно знали: кто—по кинохронике, кто—по фотографиям. Особенное знакомство с Охотным рядом было лишь у донецкого шахтёра Алексея Николаевича Часова:

— Жил я тут в позапрошлом году. На совещании был. На восьмом этаже находился.

Иван Сергеевич Кузнецов с уважением говорит:

— Хорош дом! У нас таких нет...

Проехали Манежную площадь, Московский университет, Библиотеку имени Ленина, миновали мост, и перед глазами—Кремль.

Словно поджидая нас и готова сюрприз, разошлись осенние тучи, и солнце ярко осветило чудесную панораму.

Все молчат. Даже сотни раз бывавший здесь шофёр Семиреченко задумчиво смотрит на Кремль. Торжественная минута. Ради её одной стоило сюда ехать.

Медленно, как будто желая дать возможность каждому насладиться тем, что он видит, ведёт Семиреченко автобус вокруг Кремля, по Красной площади. Но нельзя не остановиться около мавзолея. Все выходят на площадь и идут, стараясь не отставать друг от друга...

Продолжаем путь дальше. Вот улица Горького. Только и слышно:

— Хороша! До чего же хороша наша Москва!

Площадь Пушкина, площадь Маяковского, и снова широкая гладь Садового кольца.

Люди очарованы Москвой, её великолепными проспектами, её прошлым и настоящим величием.

— Смотрите, уже пять часов! Стало быть, мы катались почти три часа.

Выйдя из автобуса, все идут, как и на Красной площади, стайкой.

Иван Сергеевич Кузнецов говорит:

— Как сдружились! Даже расставаться не хочется. Она кого хочешь сдружит.

Она—это Москва!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

В КОЛХОЗНОМ КЛУБЕ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Многие районы Свердловской области полностью электрифицированы.

— Весь старинный реквизит к этому спектаклю нашли. Никак только не найдём во всём селе керосиновой лампы.

ЗВЕНЬЕВАЯ

Есть девушка в нашем
Колхозном ауле,
Ручья веселее,
Стройнее косули.

У девушки этой
Внимательный взгляд
И чёрные косы
Сбегают до пят.

Но дело не в этом,
А в том, что она
Душа своего
Молодого звена.

Посев ли в колхозе
Иль жатва опять —
Любая работа
Ей в поле подстать.

Работает ловко,
Проворнее всех,
Под звонкую песню
И радостный смех.

И даже джигиту,
Чья сила видна,
В работе ни в чём
Не уступит она.

Подать она гостю
Умеет вино,
А вышьет ковёр —
Загляденье одно!

Немало сердец
Она держит в плену,
Немало вздыхает
Парней на луну.

У девушки этой
Внимательный взгляд.
Из многих аулов
К ней сваты спешат.

Седые отцы
Женихов-сыновей
С великим почтеньем
Относятся к ней.

Мечтает старуха
У нас не одна,
Чтоб в дом к ней явилась
Невесткой она.

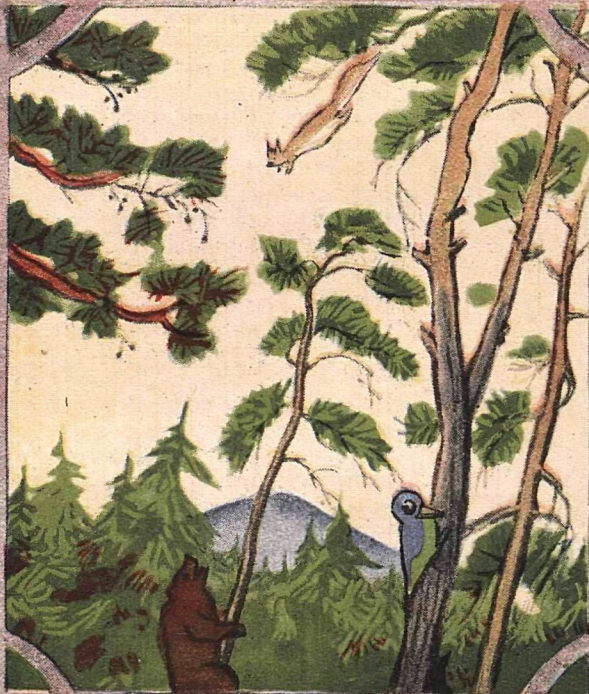

А в песнях,
Любовь воспевая и труд,
О девушке этой
Поэты поют.

Перевод с кабардинского
Я. КОЗЛОВСКОГО,
Н. ГРЕВНЕВА

Днепрогэс (1917 год).

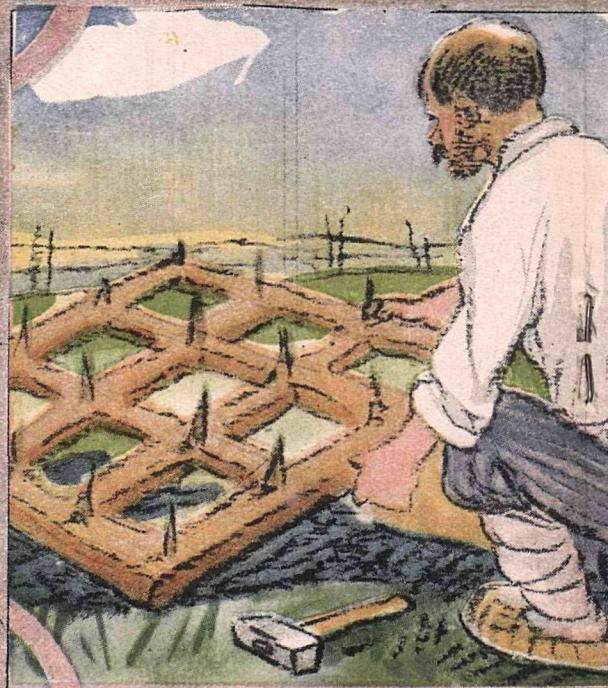
Город Комсомольск на Амуре (1917 год).

Станция метро «Охотный»

Маршал Конев (1917 год).

Кушевская МТС, Ростовск

Московское море (1917 год).

й ряд» (1917 год).

Московский планетарий (1917 год).

ой области (1917 год).

Академик Лысенко (1917 год).

Иван МОЛЧАНОВ

ПЕТУХ-ЛИЦЕМЕР

(Б А С Н Я)

Делегат Голландии, лицемерно выразив тревогу по поводу того, что в разных районах берутся за оружие, умолчал о том, что к числу взявшихся за оружие принадлежит Голландия, пытающаяся силой подавить национально-освободительное движение индонезийского народа.

(Из отчетов о 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

Крикун-петух, отъявленный задира,
Разбойник и драчун, забрёл в соседский двор;

Во имя тишины, спокойствия и мира
Взлетел он на забор и начал разговор:
— Ку-ка-ре-ку!

Позор и стыд вам, птицы!
По всем дворам идут про вас слушки:

Из-за зерна готовы вы вцепиться
В любой момент друг другу в гребешки!
Вы наглецы! Ни капли к вам доверья
Нет у меня, скажу я, не тая.

Дерётесь вы — летят и пух и перья,
От этих драк болит душа моя.
Один подымет гребень свой аршинный,
Другой кичится веером хвоста.

Мутит меня от битвы петушиной;
Я против битв; душа моя чиста!..
...Внизу, в ботве, толкнул сосед соседа:

— Да, мы того... Чего таить греха!..
— Но сам-то он как раз перед обедом
Соседского дубасил петуха!

— Вот лицемер!
А пел-то как приятно!..
— За что ж тому попало петушку?

— Да как за что? Попало, вероятно,
За то, что тот сказал: «Ку-ка-ре-ку!»

У бенилюксов есть одна манера:
Где правды ждут,—подсунуть лицемера.
У птиц не зря сыскали свой пример мы:
Петух-то был с голландской
птицефермы!

НА КОРОТКОЙ ВОЛНЕ

ГИМН МАРИОНЕТОК

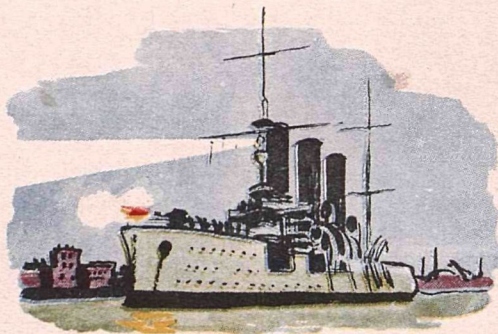
Недавно марионеточное правительство Саарской области (Германия) объявило конкурс на саарский «национальный гимн». Орган социалистической народной партии «Ди нейе цейт» предложил, чтобы гимн начинался словами: «Чей хлеб я ем, того и песню пою». За это предложение «Ди нейе цейт» была запрещена властями.

ТОЖЕ РЕКОРД!

Оззи Осборн в четверг спустился вниз со штанги для флага в Лонгбич (штат Калифорния), на которой он просидел 52 дня 13 часов и 58 минут, что является «новым мировым рекордом». Установленный в 1930 году рекорд в этом виде «спорта» равнялся 49 суткам.

ИХ ЗНАМЕНИТОСТИ

Некий Роберт Браун стал известным лицом в Шотландии потому, что осуждался судами за пьянство так много раз, как никто другой за всю историю страны. На днях он скончался в госпитале Сент Маргерет в Дюнфермлайне. Газетные некрологи отмечают, что Браун судился за пьянство 485 раз. Он надеялся, что до конца жизни сумеет округлить эту цифру до пятисот.

АВРОРА- УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

ЕЩЕ накануне крейсер подошёл к мосту. Уже невооружённым глазом можно было с корабля рассматривать бело-зелёные громады Зимнего дворца.

На «Авроре» волновались. Особенно переживали офицеры и матросы на полубате, у шестидюймового орудия. Исторический час, товарищи! Вот-вот раздастся сигнал. Вот-вот прозвучит команда.

Раздался сигнал. Резко и отчётливо прозвучала команда. Орудие, дуло которого было направлено на Зимний дворец, ухнуло во весь голос. Всё кругом загрохотало, — казалось, мощный гром сошёл с высот, опустился на Неву, чтоб всколыхнуть её державное течение.

Что же произошло в этот момент в Зимнем дворце?

Обитатели Зимнего дворца высыпали на улицу, весёлые, радостные, возбуждённые. Они аплодировали красавице «Авроре» — утренней звезде революции. Вместе со всеми ленинградцами они восторженно кричали: «Ура!»

Так я начал бы отчёт о параде в Ленинграде — о параде, который состоится 7 ноября 1948 года.

Потому что в этот день восстановленная «Аврора» станет у моста на своё историческое место перед Зимним дворцом (где сейчас музей).

Потому что в этот день та же самая шестидюймовая пушка (старушка, несмотря на свои годы, хорошо сохранилась) с радостью повторит свой выстрел, который тридцать один год тому назад всполошил обитателей всех зимних, летних и демисезонных дворцов.

* * *

Автор не подсчитывал, но думает, что за свою жизнь он съел не менее тысячи тарелок флотского борща — дома, в гостях, в столовых.

Но вот сегодня впервые в жизни мне посчастливилось есть флотский борщ во флоте, на борту корабля.

Ах, какой замечательный борщ! И какой замечательный разговор за обеденным столом в свежеекрашенном салоне командира крейсера!

Скоро «Аврора» вновь выйдет в свет. Через несколько дней вновь засияет эта утренняя звезда. Но сейчас на палубах и лестницах ещё перекликаются басовитые топоры с тонкогладосыми молотками. Ещё опасно ходить по кубрикам: чуть-чуть зазеваешься — и свежая краска внесёт кое-какое разнообразие в однотонную расцветку вашего костюма.

Сидим и разговариваем об «Авроре», её прошлом, настоящем и будущем.

...Незадолго до февральских дней один из офицеров корабля в письменном рапорте докладывал командиру:

«Сего числа, найдя поведение кока Виноградова недобросовестным, я, возмущённый, нанес ему несколько ударов по лицу. О чём доношу Вашему высокоблагородию».

Такие зубодробительные нравы на «Авроре» внедрялись и поощрялись командиром корабля Никольским, о котором до сих пор старые авроровцы не могут вспомнить, предварительно не сплюнув и не выругавшись.

В ту пору крейсер стоял у причалов Франко-Русского завода (ныне Завод имени Марти), на котором он чинился и поправлялся. На заводе вспыхнула

забастовка. Капитану Никольскому поручено было усмирить бунтовщиков.

В свою очередь, команда задумала усмирить своего буйного капитана. Руководили этим мероприятием будущие большевики «Авроры» — матросы Бельшев и Липатов.

Решили следующее. Во время вечерней молитвы, когда корабельный поп произнесёт слова «Благослови достояние твое», электрик Иванов перережет провода, идущие с берега. В темноте Никольский со всей своей «уют-компанией» должен быть арестован.

Но в тот вечер молитва не состоялась. Вообще те февральские вечера рождались не для звуков сладких и молитв.

Восстание на корабле по ряду причин пришлось перенести на следующий день, когда уже без молитвы, без своеобразного сигнала «Благослови достояние твое», матросы (да простит им господь!) выполнили свой план...

На корабль пришёл новый командир — капитан Эрикссон. Но, как видно из дальнейшего, хрен Эрикссон был не слаще редьки Никольского.

* * *

Мы тоже могли бы, подобно иному старому морскому волку, блеснуть непонятной для непосвящённого читателя терминологией.

Но мы так поступать не будем. Надо, чтоб всем было понятно. Мы назовём корабельную лестницу лестницей, нос — носом, кубрик — кубриком, форштевень — форштевнем, клотик — клотиком.

И вот мы ходим по кубрикам, потом взбираемся к крейсеру на нос, затем любуемся форштевнем, после чего какая-то лестничка — она же трап — приводит нас на полубак.

Командир крейсера Фёдор Михайлович Яковлев и его заместитель Дмитрий Иванович Бабурич продолжают начатый ещё за обедом рассказ о ремонте. Речь идёт о теперешнем ремонте, в 1948 году.

Фёдор Михайлович говорит:

— Немало трудностей в нашем пути. Одна из этих трудностей — это то, что я совершенно бесполезен фельетонисту. Не на кого жаловаться. Судоремонтные мастерские, Балтийский завод, завод имени Марти и прочие участники ремонта нашего крейсера делали всё возможное, чтоб помочь нам и хорошо помочь. Кроме спасибо ничего не скажешь. Об этом нашем «спасибо», если можно, и напишите в своём фельетоне... А вот и она!..

Она — это та пушка, из которой 25 октября 1917 года, в 22 часа 30 минут, комендор Огнев по команде комиссара Бельшева произвёл выстрел.

* * *

Несколько слов о капитане Эрикссоне, о фарватере Невы и о добросердечном американском дипломате.

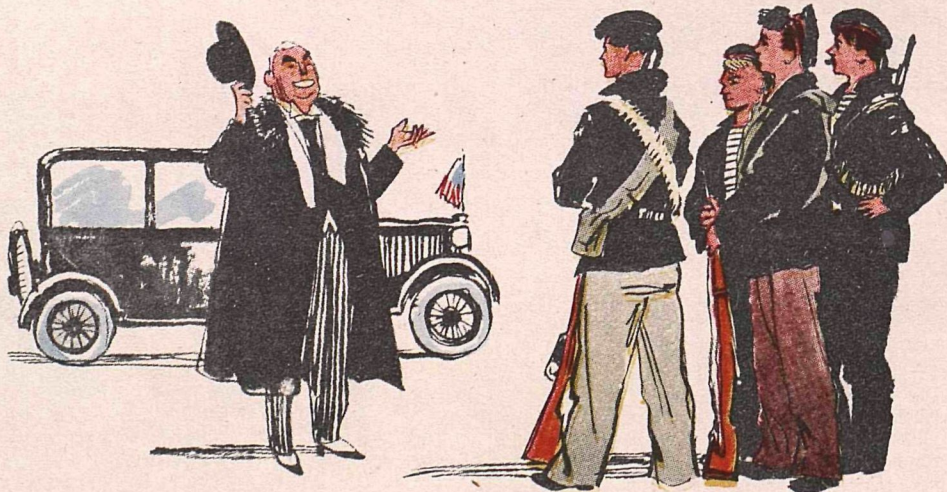
Это нам рассказал бывший матрос «Авроры» и член судового комитета в 1917 году Тимофей Иванович Липатов:

— Судовой комитет, в котором я состоял, получил приказ от Центрального Комитета большевиков сняться с якоря и подойти к Николаевскому мосту. Сейчас он называется мост лейтенанта Шмидта. Пришли мы к нашему командиру, к капитану Эрикссону.

Эрикссон и слушать не хочет:

— Нельзя! Фарватер не позволяет.

Мы попросили господина Эриксона и всех прочих старших офицеров не выходить из кают-компания. Измерили глубину. Так и есть, наврал Эрикссон. Чудесный фарватер!

— Почему мистер Смит утверждает, что ему только тридцать лет, когда ему наверняка все шестьдесят один?
— А он считает, что последние тридцать один год ему большевики жить не давали.

Ещё вам расскажу про один любопытный случай. Керенский уже бежал. Но отдельные броневики с юнкерами ещё блуждали по городу и обстреливали рабочих и солдат. Я и другие пять авроровцев были в патруле на Исаакиевской площади. И вот подкатывает такой броневичок и начинает палить. Мы кинулись на него, и вскоре он умолк. А уцелевшие юнкера сидят внутри и не хотят сдаваться. В этот момент откуда-то из-за угла появляется роскошная машина с американским флажком. Выходит из неё очень важный господин, снимает перед нами шляпу, широко улыбается и говорит на ломаном русском языке:

— Вы, русский матрос, герой! Вы голый рука побеждает броневик. Ол райт! Я пишу об этом Америка. Но я прошу вас освободите юнкеров с броневика и не трогайте их.

Мы ему ответили:

— Спасибо. Ол райт! А юнкеров всё же придётся маленько трогать...

* * *

Недавно нахимовцы старших классов писали конкурсное сочинение по литературе на тему «Выстрел, возвестивший новую эру!».

Здесь, на берегах Невы, будущие офицеры флота уже привыкли считать «Аврору» своей академией. Сейчас крейсер стал учебным кораблём. Накануне праздников, 6 ноября, нахимовцы переселятся на «Аврору», где будут жить, учиться и, между прочим, расти. А 7 ноября они — уже в качестве лихих авроровцев — будут участвовать в параде.

Мы сидим вчетвером и беседуем: я и три нахимовца — Саша Дорофеев, Женья Мусин и Лёва Поленов. Ребята с увлечением рассказывают об «Авроре», о её выстреле 25 октября 1917 года. Они всё знают, все детали, все подробности.

Саша Дорофеев рассказывает:

— Вы понимаете, какой момент! Стоят все у пушки... Вы её видали?... Ждут команды... Комендор на месте... Рядом с ним комиссар Бельшев Александр Викторович... Старый моряк... Тут же стоит и молодой мичман Поленов... Его отец...

И он показывает на зардевшегося Лёву Поленова.

Отец нахимовца Лев Андреевич Поленов служил в февральские дни мичманом на «Авроре». Затем стал командиром крейсера. Потом заместителем начальника Нахимовского училища. Сейчас по болезни вышел в отставку.

Как видите, нахимовцы изучают историю «Авроры» по первоисточникам, по рассказам живых людей, по рассказам своих отцов, героев Октябрьского восстания.

В сочинении одного нахимовца о «Выстреле, возвестившем новую эру!», читаем:

«После выстрела с «Авроры» отряд матросов кинулся во двор Зимнего дворца. Там ещё были баррикады, понастроенные юнкерами. Под одной из этих баррикад, в какой-то старой бочке, авроровец Краснов обнаружил морского министра Временного правительства. Краснов схватил его за пиворот и вытащил на свет божий. Перепуганный министр ещё больше растерялся и, обращаясь к Краснову, вежливо произнёс:

— Спасибо, товарищ!..»

Г. РЫКЛИН

Ленинград.
Крейсер «Аврора».

Барабан, в который бьют с 1918 года.
Примечание Крокодила. С этого же года бьют и барабанщиков.

ЖИВ ЛИ Я?

ОДИН адвокат сидел как-то со своим другом за стаканом вина.

— Роясь на днях в своих бумагах, — сказал он, — я натолкнулся на одну газетную вырезку. Хотите, я прочту её вам?

Приятель согласился, и адвокат прочёл следующее: «Сенсацію произвёл вчера в лондонском полицейском суде один бедно одетый, но почтенный человек, который обратился к судье за советом. Передаём их беседу слово в слово:

— Ваша честь, могу я задать вам один вопрос?

— Если он из таких, на которые я могу ответить.

— Он как раз такой... Скажите, ваша честь: я существую?

— Вы ненормальный?

— Я совершенно здоров.

— Что же вы имеете в виду, являясь сюда и задавая мне подобные вопросы?

— Я безработный...

— Какое это имеет отношение?

— О! Имеет... Я лишился работы... не по моей вине... Вот уже два месяца, как я безработный...

— Хорошо, хорошо! Дальше!

— Я не состою в союзе, сэр...

— Да, да...

— Я истратил все свои ресурсы... Я делал всё, чтобы найти работу, но безуспешно...

— У вас нет друзей или родных, которые могли бы помочь вам?

— Половина из них в моём положении, а остальных я уже исчерпал...

— Вы уже что?..

— Исчерпал: вытянул у них все их сбережения...

— Есть у вас жена, дети?

— Нет, это тоже против меня... Это оставляет меня всюду последним в очереди... Ваша честь, мне очень, очень нужна еда! Не позволите ли вы мне, с вашего разрешения, попрощайничать на улицах?

— Нет, нет! Это запрещено.

— Хорошо, ваша честь... Нельзя ли мне тогда красть?

— Ну, ну... вы не должны отнимать зря время у суда...

— Ваша честь, это очень серьёзно для меня!.. Я буквально погибаю... Продать мне мой пиджак или брюки? — и проситель, расстегнув пиджак, обнажил голую грудь. — Больше у меня ничего нет...

СЛУШАЯ КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ...

— Настанет день, Джимми, когда и на нашей улице будет такой же праздник!

— Нельзя расхаживать в неприличном виде! Я не могу позволить вам нарушать закон!

— Да, сэр... а не могли бы вы дать мне разрешение выспаться ночью на улице, чтобы меня не забирали за бродяжничество?

— У меня нет такого права.

— Но что же мне тогда делать, сэр? Я говорю вам правду: я очень хочу остаться в рамках законности. Может быть, вы посоветуете мне, как мне оставаться в живых дальше, не принимая пицци? И вообще, повторяю, жив ли я?

— Это вопрос, дружище, на который я не могу вам

ответить. На первый взгляд ваше дальнейшее существование кажется возможным только при нарушении существующих законов. Однако я надеюсь, что вы не станете этого делать! Следующий!».

Джон ГЕЛСУОРСИ
Перевела Р. СТАРШЕВА.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРРОКОВ, И. РЯБОВ, Г. РЫКЛИН.

Изд-во «Правда». Адрес ред: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 795. Подписано к печати 2/ХІ 1948 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 09488. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2494. Тираж 150 000 экз.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ДВА МИРА, ДВЕ ВОЙНЫ